

В МИРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

Ю. С. ОБИДИНА

ФЕНОМЕН СУИЦИДА В ИДЕНТИФИКАЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Автор предлагает рассмотреть феномен суицида как ментальную конструкцию, оказывающую серьезное влияние на мировоззрение и формирование социокультурного облика исторической эпохи. Смыслообразующим фактором суицида полагается смысл жизни и отношение к смерти. Для этого в статье выделяются определенные константы, которые, с точки зрения автора, являются истинными причинами суицидального поведения и проявляются в коллективной ментальности. Показано, что современные подходы к изучению самоубийств носят лишь поверхностный характер и не затрагивают сути самого явления.

Ключевые слова: жизнь, смерть, бессмертие, суицид, мировоззрение, ментальность.

Каждая историческая эпоха по-своему раскрывает природу и возможности человека, его взаимоотношения с окружающим миром, характер нормативно-ценностных систем¹. Любое явление развивается не только в рамках присущей ему одному внутренней логики развития, но и под влиянием массы внешних факторов. Так сложилось, что на рубеже тысячелетий происходит некий ментальный перелом, вызывающий всплеск добровольного ухода из жизни. Объяснить этот феномен до сегодняшнего дня оказалось никому не под силу, несмотря на многочисленные попытки.

Даже исследователя, много лет занимающегося проблемами смерти и бессмертия с разных ракурсов: аксиологического, экзистенциального, антропологического, исторического, мифологического, культурологического, философского и т.д., написавшего на данную тему несколько монографий, лишь однажды, в самом начале научного творчества, занесло на просторы рассуждений об этом страшном феномене человечества² и... сразу же вернуло обратно. И только спустя много лет, возвращаясь к обозначенной проблеме под влиянием обостренной потребности в анализе, позволяющем понять сегодняшние тенденции и заострить внимание на самых действенных, результативных аспектах феномена добровольного ухода из жизни, автор решился вновь обратиться к этому, без преувеличения, самому важному выбору в жизни человека.

¹ Репина 2011. С. 9.

² Обидина 2000.

В данной статье поставлена задача рассмотреть феномен самоубийства не как проблему психологии, права, истории, социологии, демографии, философии, и даже не как некий концепт, а как некую ментальную конструкцию, которая во все времена играла очень важную роль в жизни социума, и занимала не последнее место не только в формировании социокультурного пространства, но и в определении жизненных ориентиров личности и ее индивидуальности.

Справедливости ради следует отметить, что разные отрасли наук уже неоднократно пытались дать ответ на фундаментальный вопрос человеческого бытия – вопрос о добровольном уходе из жизни. Вспомним слова А. Камю в его знаменитом сочинении «Миф о Сизифе»: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблем – проблема самоубийства. Решить, стоит или нет жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Таковы условия игры: прежде всего, нужно дать ответ»³. Философская мысль не раз предпринимала попытки рассмотреть проблему суицида в экзистенциальном ключе. Помимо Камю, можно назвать Н.А Бердяева, В.С. Соловьева, в какой-то мере Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Активно разрабатывал эту проблему в начале XX в. А.Ф. Кони. Но не было системности в изложении материала и определенной последовательности в исследовании природы и феномена суицида.

В качестве отправной точки для своего исследования мы решили взять высказывание А.Ф. Кони из его хорошо известной работы «Самоубийство в законе и жизни»: «Черное крыло насильственной смерти от собственной руки все более и более разворачивается над человечеством, привлекая под свою мрачную тень не только людей, по видимому, обтерпевшихся в жизни, но и нежную юность, и тех, кто дожил до близкой уже могилы»⁴.

Есть еще одно обстоятельство, которое заставляет подойти к вопросу о суициде именно с такой точки зрения, и лежит она практически на поверхности – если зачастую сам самоубийца не осознает причину своего поступка, то откуда это знают те, кто составляет статистику самоубийств? Самоубийство – последний шаг, и к этому шагу может привести масса причин.

Подверженность переходных эпох всплеску самоубийств наглядно проиллюстрировало начало XX века, когда не только Россия, но и Западная Европа, и Америка столкнулись с настоящей эпидемией доб-

³ Камю 1990. С. 24.

⁴ Кони 1967. С. 454.

ровольного ухода из жизни. При этом суицид воспринимался как вполне сознательное действие, а не какого-либо рода психопатология. Французский социолог Э. Дюркгейм, в своей получившей широкую известность работе сделал основной акцент на социологический анализ феномена самоубийства. В ней он пишет, что «не существует ни одного психопатического состояния, которое имело бы с самоубийством постоянную и бессменную связь»⁵. На тех же позициях стоял выдающийся русский адвокат А.Ф. Кони, который считал, что «Ошибочно объяснять это триумфальное шествие самоубийства увеличением душевных болезней, как это делают некоторые»⁶.

А.Ф. Кони также отмечал, что до середины XIX в. добровольное лишение себя жизни, за некоторым исключением, было представлено рядом единичных поступков, которые не давали оснований заподозрить у общества страшный недуг, который пышным цветом расцвел сначала в семидесятые годы XIX в., а затем в начале века XX. Это подтверждает и петербургский профессор А. Смирнов, который писал: «Самоубийство превратилось в какую-то эпидемическую болезнь, двадцать–тридцать лет назад Россия по числу самоубийств стояла в процентном отношении несравнимо ниже остальных культурных стран Европы, но в последние годы число самоубийств возросло у нас до угрожающих цифр»⁷. Речь идет о ситуации, сложившейся в России в 1914 г.

Суицидный подъем 1870-х годов – это скорее начало тенденции, которая уже не прекращалась вплоть до революции. Как это страшно не звучит, суицид довольно быстро стал восприниматься как весьма заурядное явление и перестал шокировать общественность. Со временем российская ментальность устала приходить в ужас от едва ли не ежедневных случаев самоубийств и начала – нет, не привыкать, а скорее иронизировать по поводу суицидальной истерии, пытаясь замаскировать страх и отчаяние, охватившее российское общество.

Быть может, что-то такое особенное витало в российском воздухе, которым дышало, а может, от которого задыхалось российское общество того времени, что очень скоро оно стало дозвевать над здравым смыслом, моралью и самой жизнью. И может неслучайно очень скоро в России наступят времена, когда необходимость самостоятельно сводить счеты с жизнью исчезнет за ненадобностью – первая мировая война, революция, гражданская война, красный и белый террор, а за-

⁵ Дюркгейм 1994. С. 49.

⁶ Кони 1967. С. 454.

⁷ Смирнов 1914. С. 3.

тем череда репрессий — черное крыло смерти обретет другие формы и очертания, но не сойдет на нет.

Прежде чем приступить к анализу феномена суицида, следует взять за аксиому, что ни одно из условий нельзя признать истинной причиной самоубийства. Ни страх перед наказанием, ни душевная болезнь, ни страсти, ни депрессия, ни пресыщение жизнью, ни неизлечимая болезнь (список можно продолжать практически до бесконечности) не может в полной мере объяснить решимость человека переступить последнюю черту. Вот почему мы решились поискать причину самоубийства именно в ментальных факторах жизненной среды человека, а не всего пространства культуры со множеством его характеристик, которые составляют уже надындивидуальную реальность проблемы суицида, и оказывают на заявленную проблему важное, но не первостепенное значение.

Еще Л. Февр, занимаясь исследованием культуры, уделил особое внимание двум вопросам. Первый — проблема непреодолимости исторических рамок в идентификации коллективной ментальности. Второй — каждая эпоха, по мнению Л. Февра, обладает своим ментальным наследством, своеобразным ментальным инструментарием, отличным от ментального инструментария других эпох. Это «непреодолимые для человеческого мышления барьеры восприятия мира»⁸.

Следовательно, можно задаться вопросом — не является ли навязчивое желание распорядиться своей жизнью по собственному усмотрению тем самым непреодолимым барьером, с которым человечество сталкивается на протяжении целого ряда исторических эпох.

Выделение аксиологического плана при изучении суицида стало возможно благодаря тому, что по неписанным правилам суицид имеет исторический аспект изучения. Аксиологический аспект позволяет дать оценки феномена суицида разными народами и культурами. Но при этом следует иметь в виду, что эти оценки могут быть как позитивными, так и негативными, и не всегда истинное отношение к данному феномену лежит на поверхности.

Социокультурный контекст самоубийства, безусловно, зависит и от исторических особенностей, и от уникальности культуры. Обычаи и верования, традиции и культы, религиозные практики и запреты также играют не последнюю роль. История человечества знала различное отношение к самоубийству. Чем ближе к современности, тем большее место суицид занимает в повседневной жизни человека, ибо массовая

⁸ Вжосек 2012. С. 127.

культура не только репрезентирует самоубийство, но и сама является носителем суицидальных моделей поведения и инициатором суицидальных действий.

Не только моральная оценка суицида, но и смысл, который вкладывался современниками в добровольный уход из жизни существенно менялись под влиянием многих факторов – культурных, религиозных, этнических, идеологических, социальных. Отношение к самоубийству, факторы, приводящие к нему, способы ухода из жизни всегда зависели от отношения той или иной культуры или социальной группы к смерти. Именно восприятие смерти определяло моральный статус самоубийства в глазах общества в целом и отдельного индивида, в частности.

В традиционных культурах сложилось двойственное отношение к смерти. Для человека той эпохи она не имела ценностной окраски, но рассматривалась с разных полюсов – хорошего и плохого. Именно «плохая смерть» чаще всего была связана с самоубийством. Безусловно, главную роль в этом играли анимистические представления. Человек, добровольно ушедший из жизни превращался после смерти в злого духа, который вредил живым сородичам.

С развитием культуры полюса раздвинулись, а отношение к самоубийству стало не таким однозначным. Уже в Античности мы видим множество тому примеров. Самоубийство теперь неразрывно связано с осознанием свободы выбора, а понятие свободы, как известно, прочно вошло во многие философские системы греков и римлян. Для грека свобода заключалась, в первую очередь, в отсутствии давления извне, в возможности самостоятельно контролировать собственную жизнь. Апогеем развития идеи свободы становится свобода в принятии главного решения в жизни любого человека – умереть или продолжать жить. С данной точки зрения свобода тесным образом переплеталась с творчеством, а самоубийство – с неким актом творения.

Античные философы не были единодушны в трактовке этой самой свободы. Пифагор и Аристотель стояли на совершенно иных позициях, нежели эпикурейцы, киники и стоики. Цицерон в познереспубликанском Риме полагал, что самоубийство для мудреца способно принести не вред, а скорее даже пользу. Стоики возвели свободу фактически в Абсолют, что давало им моральное право не только на самоубийство как таковое, но также на выбор способа ухода из жизни. Плиний Младший приписал самоубийству богоборческие тенденции, усматривая в добровольном уходе из жизни превосходство над богами. В императорскую эпоху в Риме под влиянием стоиков сформировалось патетическое

отношение к смерти. Настолько, что его случаи удостаиваются детального описания в серьезных исторических произведениях. В частности, Тацит излагает обстоятельства самоубийства Сенеки и его жены⁹.

Настоящим «певцом» самоубийства в Античности стал Сенека, для которого тема самоубийства была одной из главнейших. Осознание смысла добровольного ухода из жизни пришло к мыслителю через оценку этических сторон жизни и возвышение смерти, из которой, по мнению философа, должна быть устранены эмоции и страсти. «Раньше ты умрешь или позже – неважно, хорошо или плохо, – вот что важно. А хорошо умереть – значит, избежать опасности жить дурно»¹⁰.

Однако не все культуры, в которых свобода представляла собой экзистенциальную ценность, столь терпимо относились к суициду. Принципиально иначе подходили к этому, например, древние иудеи. Они не рассматривали человека как соперника Бога, поэтому самоубийство рассматривалось как неприемлемый акт, запрещенный Торой.

Говоря об аксиологической стороне суицида, неправильно было бы связывать феномен самоубийства с религиозными представлениями. Однако религия – это глубоко укорененный компонент духовной и бытовой культуры общества, а, следовательно, косвенно влияет даже на поступки человека нерелигиозного. Поэтому без анализа религиозных трактовок суицида сложно разобраться в сущности этого феномена.

Как правило, в качестве примера отрицательного отношения к суициду называют христианскую религию. Но следует отметить, что отношение к самоубийству в христианстве не всегда было столь однозначным, поскольку последовательное отношение к самовольному уходу из жизни сложилось далеко не сразу. Хрестоматийным примером для сторонников негативного отношения христианства к суициду является фигура Иуды Искариота. Но проблема состоит в том, что Евангелия говорят о нем весьма поверхностно, вскользь. Гораздо последовательнее в данном случае свидетельство апостола Павла: «Разве вы не знаете, что вы храм Божий... Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят, а этот храм – вы»¹¹.

Первое осуждение самоубийства, исходящее от Отцов Церкви, принадлежит Августину Блаженному. Причем причиной данного осуждения стала реакция церкви на стремительный рост самоубийств среди религиозных фанатиков, членов христианских сект, а также на

⁹ Тацит *Анналы*, 15.60-64.

¹⁰ Сенека 1986.

¹¹ 1 Кор. 3:16,17

участившиеся случаи неистового мученичества. Таким образом, первоначально руководители христианских общин даже поощряли добровольный уход из жизни во славу христианской веры. Трагедия самоубийства в том, что оно исключает любую возможность покаяния, что и было признано Августином, и, следовательно, добровольная смерть является убийством, нарушающим заповедь «Не убий».

Лишь со времени Фомы Аквинского мы можем говорить о последовательных постулатах, осуждающих самоубийство. Таковых патристика вывела три:

Самоубийство – нарушение закона природы.

Самоубийство – нарушение закона морали.

Самоубийство – нарушение Закона Божьего, который оставляет право забирать жизнь только самому Богу.

При этом мы видим, что данные постулаты были выведены абсолютно в духе патристики.

Жесткие установки христианства касательно самоубийства оформляются лишь в XVI в. Тридентский собор 1568 г. официально признал суицид убийством на основании заповеди «Не убий». По сути, именно это обстоятельство сформировало не только «суицидальное» законодательство большинства европейских стран, но и все общественные стереотипы в отношении к самоубийцам.

Однако ни церковное осуждение, ни жестокое пресечение суицида в эпоху позднего средневековья, ни самая жестокая мера не могла снять нарастания интенсивности самоубийств. Причина, вероятно, была в том, что жестокие, нецелесообразные меры «били по оглобле, а не по коню». Человека, решившегося на самоубийство, не смущала мысль ни о лишении христианского погребения, ни о материальных трудностях, ожидавших его наследников. Это подтвердило и введение в уголовные кодексы разных стран специальных статей, исключаящих уголовную наказуемость самоубийства. Что изменили эти статьи? Абсолютно ничего. Разве что появились новые проблемы. Да, все эти меры сделали более гуманным отношение к родственникам самоубийц, но самих проблем суицида они не решили. И сегодня весь современный мир сталкивается с «черным крылом» данного феномена, невзирая на совершенство или несовершенство того или иного законодательства.

Гуманисты, обратившие свои устремления к Античности, вместе с возвышением человека вернули ему и право на свободу, а, следовательно, и право на свободу выбора. Обоснование этого права привело к более рациональному отношению к самоубийству по сравнению с

предыдущей эпохой. Век Просвещения завершил начатое. От взвешенности и рациональности стрелка барометра передвинулась к толерантному отношению к самоубийству. Примером тому может служить появление знаменитого эссе Давида Юма «О самоубийстве»¹². Юм тщательно проанализировал опытное знание с позиций разумного скептицизма. Тот факт, что он не мог оставить без внимания проблему суицида говорит о последнем как о весьма значимом аспекте человеческого опыта. Юм сделал поистине революционный вывод, заявив, что вопрос о самоубийстве не только не противоречит Божьему промыслу, но и не нарушает мировой гармонии, поскольку любое событие равнозначимо в вечности.

Проникновение в Россию сентиментализма, культурных тенденций Западной Европы, веяний Французской революции с ее обоснованием свободы привело самоубийство на страницы литературных и философских произведений, сделав его впоследствии культурно значимой моделью поведения. Ю.М. Лотман считал, что суицидальное поведение той эпохи являлось знаковой культурно-исторической ситуацией¹³.

Предпринятый экскурс в историю наглядно показывает, что по приближении к XX веку стрелка барометра все сильнее отклонялась к положительному полюсу. Но было бы наивным предполагать (хотя попытки таких предположений строились неоднократно), что катализатором тому стал кризис европейского общества и культуры, а СМИ усилили губительное влияние на неокрепшую психику и внесли свою лепту в дело роста суицида. Еще А.Ф. Кони в 1923 г. писал: «...печальную роль у нас и в Европе играет кинематограф, представляющий, вместо научно-поучительных и просветительских картин, методологию преступлений и сцены самоубийств, действующих заразительно на молодое поколение. Наряду с кинематографом не менее вредное влияние имеет подчас и печатное слово...»¹⁴.

Безусловно, нельзя отрицать влияние социокультурной среды на возможности выживания здорового человека в современном обществе, но проблем самого суицида это влияние не решает. Лечить надо не самоубийц, это, как показала история, дело безнадежное, а саму действительность, ибо сознание современного человека погружено в состояние, где сближены границы нормального и патологического, вымысла и действительности. В еще большей степени это доказала эпоха постмодерна.

¹² Юм 1909.

¹³ Лотман 1994.

¹⁴ Кони 1967. С. 464.

Поскольку XXI век накладывает свой отпечаток на подходы к изучению феномена суицида, следует остановиться на гендерном подходе к этому явлению. Еще Дюркгейм объяснял превалирование мужских самоубийств над женскими меньшей чувствительностью женщины, ее недостаточным проникновением в общественную жизнь¹⁵. Не останавливаясь на явно шовинистической позиции философа, следует признать, что доля истины в этом утверждении есть, поскольку женщины, как показывает статистика, действительно совершают самоубийства в среднем в 3–4 раза реже, чем мужчины. Существует даже некая социальная (или демографическая) константа, включающая в себя необъяснимое соотношение 1:3, означающее, что в мире на одну женщину-самоубийцу приходится в среднем трое мужчин. Попытка объяснить эту закономерность сводится современными исследователями к лучшей социальной адаптации женщин, несмотря на то, попыток самоубийств они совершают в пять раз больше, чем мужчины. Разница лишь в том, что данные попытки в большей степени являются демонстрацией намерения покончить с собой с целью привлечения внимания и улучшения собственной жизни.

Резюмируя изложенное, необходимо выделить несколько положений, которые в качестве некоторых констант определяют ту феноменальную сущность суицида, которая остается за рамками исследований, а между тем, и составляет его истинные причинность и следствие.

Итак, положение первое. Быть может, смерть отнюдь не лишена смысла, а напротив, наполнена им и может не только сломать, но и возвеличить человека. Уже древним было известно подобное состояние, которое они называли катарсисом. Задача мыслей о смерти не разрушительная, а созидательная – понять и осмыслить ценность земной жизни, любви, заботы и сострадания. Если смерть не вызывает чувства вины, раскаяния, боли и утраты, то дело совсем не в смерти. Дело в пустой и напрасно прожитой жизни. Вот в чем состоит благо смерти, о котором так много говорили античные философы. Именно об этом говорил Сократ на суде: «...похоже в самом деле, что все это (приговор) произошло к моему благу, и быть этого не может, чтобы мы правильно понимали дело, полагая, что смерть есть зло»¹⁶. Об этом же неоднократно заявлял Сенека: «Кто умереть отговорил несчастного, к нему жесток; кончина часто кара нам, но часто и для многих – милосердный дар»¹⁷.

¹⁵ Дюркгейм 1994.

¹⁶ Лаврин 1993. С. 483.

¹⁷ Сенека 12, 929.

Возможно, не случайно Ф. Арьес считал одним из важнейших феноменов истории ментальности именно представления о посмертном существовании, которые свидетельствуют о появлении индивидуального морального сознания¹⁸. И с этой точки зрения знаменитые слова Фомы Аквинского: «Живем для других, а каждый умирает сам за себя персонально», – приобретают некий зловещий смысл¹⁹.

Второе. Возможно, не случайно одной из универсалий смерти является образ смерти как подвига. Как сознательного создаваемого произведения культуры, хотя бы и в таком неоднозначном деструктивном аспекте. Смерть как бы испытывает человека на его человеческие качества в «пограничных ситуациях» близости к смерти. И на первый план здесь выдвигается уже проблема смысла жизни. Ведь именно наша непосредственная жизнь является критерием истинности выбранного нами смысла. Движение моей жизни, подчинение ее определённому смыслу должно возвышать меня, делать меня свободным. «*Mori licet cui vivere non placet*»²⁰. Эпикурейцы и стоики, придерживаясь абсолютно разных взглядов на жизнь, пришли к соглашению о правомочности жизни. А раз жизнь – это право, а не тяжкая повинность, то у человека есть полное право от нее отказаться. Лозунгом Александрийского общества, созданного эпикурейцами, стал их безызвестный афоризм: «Вход в жизнь один, а выходов – несколько».

Третье. Для русского менталитета, в котором не последнюю роль играет понятие святости, во все времена остро стоит вопрос о жертвенности. Принести себя в жертву во благо кого-то или чего-то – это не просто право, а зачастую – долг человека. С этой точки зрения самоубийство выступает как проявление активной воли человека, является выражением подлинной свободы личности. В данном случае, человек выполняет задуманный им акт действия, отдавая себе отчет о последующих результатах²¹. И данный поступок не просто не вызывает осуждения общества, а скорее получает одобрение и даже восхищение. Не случайно, борьба во имя чего-то часто оплачивается не чем иным, как жизнью непосредственных участников этой борьбы.

Четвертое. Идея существования инстинкта смерти не раз высказывалась в ходе изучения этого феномена. З. Фрейд представлял данный инстинкт как стремление к уничтожению самого себя и других, как влечение, реализующееся на клеточном уровне и изначально присущее лю-

¹⁸ Арьес 1992.

¹⁹ Антология мировой философии. 1973.

²⁰ Пусть умирает тот, кому не хочется жить (лат.).

²¹ Красенкова 1999. С. 154.

бому живому существу, так как «цель всякой жизни есть смерть»²². Солидарен с ним и С. Гроф, который, исследуя «перинатальные переживания», приходит к выводу, что знания о биологическом цикле «рождение-смерть» настолько важны, что они закодированы в бессознательном как его архетипы и, вместе с тем, составляют важнейшую часть мифологических, религиозных и космологических систем²³.

Пятое. Еще одна попытка объяснить феномен суицида – в проблеме противоречивости личностных знаний о смерти. Дело в том, что они являются принципиально двухплановыми. К первому плану относятся представления о смерти вообще, о *чуждой* смерти как завершении жизни человека, с которой человек постоянно сталкивается в окружающем его мире. Второй план – представления о собственной смерти, событии из области метафизики, поскольку неизбежность ее и очевидна, и одновременно немыслима для человека²⁴. Другими словами, амбивалентность представлений о смерти и двойственность отношения к ней рисует смерть как некоего двуликого Януса: с одной стороны, страх и ужас неизвестности, с другой – надежда и вера в лучшее существование.

Шестое. Еще один немаловажный момент. Знание о смерти относится к разделу социальной информации, то есть передается из поколения в поколение – и никак иначе. Разрывы поколений, которые, к сожалению, столь часто случались в истории нашей страны, накладывали определенные изломы на передачу данного социального опыта. Эпохи, в которых ценность человеческой жизни была практически сведена на нет, оказали свое воздействие на трансформацию установок в отношении к смерти. Сюда следует также отнести и рывки от истинной веры к крайнему атеизму, и обратный процесс.

Седьмое. Объяснить суицид можно и через понятие смерти как сознательного выбора, ключевой смысл которого – «умереть с достоинством», т.е. представить неизбежный процесс умирания в таком виде, что именно человек обладает изначальным намерением умереть, смерть – это акт его свободной воли, а не суровая неизбежность. Данным понятием часто руководствуются представители различных деструктивных сект, призывая своих последователей к самоубийству как способу реализовать акт собственной воли и разорвать цепь необходимости.

²² Фрейд 2013. С. 184.

²³ Гроф 1992. С. 74-109.

²⁴ Грубников 1989. С. 77.

Восьмое. *Mors creator vitae est* (Смерть – созидатель жизни). Еще со времен Античности люди отождествляют свое «Я» с телом, и все мысли, чувства, ощущения принадлежат именно телу. При этом упускается другое, не менее важное свойство человеческого «Я», которое собственно и обеспечивает состояние бытия. И идеалисты, и материалисты, сами того не замечая, практически исключили из виду эту бытийственную сторону «Я», сделав основной акцент на его личностные качества и характеристики. Созданный ими «эгоистический тип личности»²⁵ и привел к сегодняшнему положению вещей, когда к многочисленным лозунгам, касающимся морали, нравственности, ответственности перед будущими поколениями, мало кто прислушивается.

Внутренний смысл ответственности, нравственности, долга зависит от того, как человек понимает жизнь и в каком качестве он ее принимает, а, следовательно – что для него смерть и как он принимает ее в свою жизнь. И большая разница – воспринимать смерть в качестве небытия, или в качестве особого, этапного рубежа в жизни вечного бытия.

Девятое. Мыслить свою смерть – значит сознательно ограничивать свое будущее. Кроме того, это означает связывание воедино жизни, свободы и смерти, от взаимодействия которых зависит пространство личной метафизики. Но у человека нет опыта собственной физической смерти. «Чья-то смерть» оставляет человека фактически в ситуации «моя жизнь–без–него». Но чтобы действительно пережить свою смерть, чтобы она реально стала событием жизни, человеку необходимо оказаться в ситуации «моя жизнь–без–меня»²⁶.

И в качестве заключения, а возможно, в качестве некоего обозначения нового вектора исследуемой проблемы. Как это ни печально, но отклонения стрелки барометра в сторону отрицательного полюса в ближайшее время, скорее всего, не будет. Вероятно, нас ждет новый всплеск суицидальной истерии. Это не жестокое пророчество, а новые веяния времени. Причина тому – вопрос о признании права на смерть – эвтаназии. Не вдаваясь в суть данного явления (это тема для самостоятельного серьезного исследования) укажем здесь на принципиальный для нашего исследования вопрос – является ли тогда жизнь высшей ценностью, или высшей ценностью является отсутствие страданий?

Как бы там ни было, не побоимся признаться, что человечество пока не готово к осмыслению этой проблемы. Для этого не сложились ни мировоззренческие, ни нравственные, ни юридические основания.

²⁵ Полосухин 1999. С. 93.

²⁶ Устюшкин 1999. С. 113.

А вместе с тем, проблема становится все более насущной, и игнорировать ее в течение долгого времени вряд ли возможно, а может быть, и опасно. Да и проблема эта, по сути, не нова. Сторонники добровольной смерти в лице избавителя от страданий и мучений, были всегда – и в Античности, отличавшейся спокойным и рассудительным отношением к самоубийству (достаточно назвать Сократа, Платона, стоиков), и в Средние века, когда самоубийцы сурово наказывались и осуждались и церковью, и людьми, но голоса в защиту права на смерть все же раздавались. Взять хотя бы Томаса Мора и Фрэнсиса Бэкона. Кстати, термин «эвтаназия» был впервые введен именно Бэконом. «Скажу более, развивая сию тему: долг медика не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в смягчении страданий, вызванных болезнью; и состоит он не в том лишь, чтобы ослаблять боль, считааемую опасным симптомом; если недуг признан неизлечимым, лекарь должен обеспечить пациенту легкую и мирную кончину, ибо нет на свете блага большего, нежели подобная эвтаназия...»²⁷.

Найти лекарство, способное «подлечить» инстинкт самосохранения, вряд ли удастся в ближайшем будущем. Сгустки ментального страха, образовавшиеся в течение многих столетий, и масса проблем, с которыми человек сталкивается один на один, отнюдь не способствуют этому. Зависимость от внешнего мира, попытка следовать навязываемым стандартам и имиджевым стереотипам, задвигают истинные проблемы бытия на задний план. Но проблемы эти не исчезают. И встают в полный рост именно тогда, когда времени решать их уже не остается. Там, у последней черты, когда черное крыло смерти манит в прекрасное далеко, унося с собой самое ценное, что можно унести – жизнь...

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Философы древности и средневековья. М.: Мысль, 1973. 576 с.

Антология мировой философии: Античность. М.: Издательство «АСТ», 2001. 960 с.

Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Новый органон. М.: Мысль, 1978. 56 с.

Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. М.: Художественная литература, 1986.

Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История: Пер. с лат. М.: Ладомир, 2001. 992 с.

Литература

Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. М.: Прогресс–Академия, 1992. 526 с.

²⁷ Бэкон. *Instauratio Magna*, 1623.

- Вжосек В.* Культура и историческая истина / Пер. с польского К.Ю. Иерусалимского. М.: Круг, 2012. 336 с.
- Гроф С.* За пределами мозга. Рождение, Смерть и Трансценденция в психиатрии. М.: Центр «Соцветие», 1992. 336 с.
- Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд: Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
- Камю А.* Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. (серия «Мыслители XX века»). М.: Политиздат, 1990. 415 с.
- Кони А.Ф.* Самоубийство в законе и жизни // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. С. 454-481.
- Красенкова И.П.* Философский анализ суицида // Идея смерти в российском менталитете. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитар. ин-та, 1999. С. 151-174.
- Лаврин А.П.* Хроники Харона. Энциклопедия смерти. М.: Московский рабочий, 1993. 240 с.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XX века). СПб.: Искусство, 1994.
- Обидина Ю.С.* Мир смерти в культурных представлениях греков эпохи архаики и классики. Дисс... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2001.
- Обидина Ю.С.* Представления о бессмертии души в культуре древней Греции: становление, эволюция, трансформация в христианское воскресение. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2007. 288 с.
- Обидина Ю.С.* Концепции личного бессмертия в современном социогуманитарном дискурсе // Социально-гуманитарные проблемы современности: личность и общество. Книга 2. Publishing House Science and Innovation Center Saint-Louis. MO, USA. 2013. С. 93-118.
- Обидина Ю.С.* Феномен Homo Immortalis в системе культуры. Дисс... докт. филос. наук. Нижний Новгород, 2010.
- Обидина Ю.С.* Проблема суицида в современных научных исследованиях и в реальной жизни // Государственное управление: центр-регион (проблемы экономики, социологии и права). Йошкар-Ола, 2000. С. 88-93.
- Полосухин Б.М.* Смерть и вечная жизнь // Идея смерти в российском менталитете. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. 88-106.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. М.: Круг, 2011. 560 с.
- Смирнов А.* Самоубийство и христианский взгляд на жизнь: Публичная лекция. СПб.: Б. и., 1914. 31 с.
- Трубников Н.И.* Притча о Белом Ките // Вопросы философии. 1989. № 1. С. 56-82.
- Устюшкин Ю.М.* Личная метафизика смерти // Идея смерти в российском менталитете. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитар. ин-та, 1999. С. 107-122.
- Фрейд З.* «Я» и «Оно». СПб.: Азбука, 2013. 288 с.
- Хоф Антон ван.* Женские самоубийства в античном мире: между вымыслом и фактами // Вестник древней истории. 1991. № 2. С. 18-43.
- Юм Д.* Естественная история религии. Диалоги о естественной религии. О бессмертии души. О самоубийстве: Пер. с англ. Юрьев: Тип. Э. Бергмана, 1909. 178 с.

REFERENCES

Istochniki

Antologija mirovoj filosofii. V 4 t. T. 1. Filosofij drevnosti i srednevekov'ja. M.: Mysl', 1973. 576 s.

- Antologija mirovoj filosofii: Antichnost'. M.: Izdatel'stvo «AST», 2001. 960 s.
- Bjekon F. Velikoe vosstanovlenie nauk. Novyj organon. M.: Mysl', 1978. 56 s.
- Tacit Publij Kornelij. Annaly. Malye proizvedenija. Istorija: Per. s lat. M.: Ladomir, 2001. 992 s.
- Seneka. Nravstvennye pis'ma k Luciliju. Tragedii. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1986.
- Literatura**
- Chelovek pered licom smerti: Per. s fr. M.: Progress–Akademija, 1992. 526 s.
- Vzhosek V. Kul'tura i istoricheskaja istina / Per. s pol'skogo K.Ju. Ierusalimsko-go. M.: Krug, 2012. 336 s.
- Grof S. Za predelami mozga. Rozhdenie, Smert' i Transcendencija v psihiatrii. M.: Centr «Socvetie», 1992. 336 s.
- Djurkgejm Je. Samoubijstvo: Sociologicheskij jetjud: Per. s fr. s sokr.; Pod red. V. A. Bazarova. M.: Mysl', 1994. 399 s.
- Kamju A. Buntujushhij chelovek: Filosofija. Politika. Iskusstvo: Per. s fr. (cerija «Mysliteli HH veka»). M.: Politizdat, 1990. 415 s.
- Koni A.F. Samoubijstvo v zakone i zhizni // Sobranie sochinenij: v 8 t. T. 4. M.: Izd-vo «Juridicheskaja literatura», 1967. S. 454-481.
- Krasenkova I.P. Filosofskij analiz suicida // Ideja smerti v rossijskom menta-litete. SPb.: Izd-vo Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta, 1999. S. 151-174.
- Lavrin A.P. Hroniki Harona. Jenciklopedija smerti. M.: Moskovskij rabochij, 1993. 240 s.
- Lotman Ju.M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII–nachalo XX veka). SPb.: Iskusstvo, 1994.
- Obidina Ju.S. Mir smerti v kul'turnyh predstavlenijah grekov jepohi arhaiki i klassiki. Diss... kand. filos. nauk. Nizhnij Novgorod, 2001.
- Obidina Ju.S. Predstavlenija o bessmertii dushi v kul'ture drevnej Grecii: sta-novlenie, jevoljucija, transformacija v hristianskoe voskresenie. Joshkar-Ola: Izd-vo MarGU, 2007. 288 s.
- Obidina Ju.S. Konceptii lichnogo bessmertija v sovremennom sociogumanitarnom diskurse // Social'no-gumanitarnye problemy sovremennosti: lichnost' i ob-shhestvo. Kniga 2. Publishing House Science and Innovation Center Saint-Louis. MO, USA. 2013. S. 93-118.
- Obidina Ju.S. Fenomen Homo Immortalis v sisteme kul'tury. Diss... dokt. filos. nauk. Nizhnij Novgorod, 2010.
- Obidina Ju.S. Problema suicida v sovremennyh nauchnyh issledovanijah i v re-al'noj zhizni // Gosudarstvennoe upravlenie: centr-region (problemy jekonomi-ki, sociologii i prava). Joshkar-Ola, 2000. S. 88-93.
- Polosuhin B.M. Smert' i vechnaja zhizn' // Ideja smerti v rossijskom mentalitete. SPb.: Izd-vo Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta, 1999. 88-106.
- Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX-XXI vv. M.: Krug#, 2011. 560 s.
- Smirnov A. Samoubijstvo i hristianskij vzgljad na zhizn': Publichnaja lekcija. SPb.: B. i., 1914. 31 s.
- Trubnikov N.I. Pritcha o Belom Kite // Voprosy filosofii. 1989. № 1. S. 56-82.
- Ustjushkin Ju.M. Lichnaja metafizika smerti // Ideja smerti v rossijskom mentali-tete. SPb.: Izd-vo Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta, 1999. S. 107-122.
- Frejdz Z. «Ja» i «Ono». SPb.: Azbuka, 2013. 288 s.
- Hof Anton van. Zhenskije samoubijstva v antichnom mire: mezhdru vymyslom i fak-tami // Vestnik drevnej istorii. 1991. № 2. S. 18-43.

Jum D. Estestvennaja istorija religii. Dialogi o estestvennoj religii. O bessmer-tii dushi. O samoubijstve: Per. s angl. Jur'ev: Tip. Je. Bergmana, 1909. 178 s.

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета; basiley@mail.ru

The phenomenon of suicide in the identification of collective mentality

The author proposes to consider the phenomenon of suicide as a mental construct, which has a major influence on the world and the formation of sociocultural appearance historical epoch. A semantic factor for suicide relies meaning of life and attitude to death. For this stand out some constants that, from the point of view of the author, are the true causes and manifestations of suicidal behavior are fixed in the collective mentality. It is shown that current approaches to the study of suicide have only superficial character and do not affect the essence of the phenomenon.

Keywords: life, death, immortality, suicide, philosophy, mentality.

Yulia Obidina, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Department of World History, Mari State University, basiley@mail.ru